

Святослав Логинов

Сослагательное наклонение

*Часть сборника
Первый удар (сборник)*

Святослав Логинов

Сослагательное наклонение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153651

Аннотация

Как известно история не знает сослагательного наклонения. Но все-таки, чтобы могло произойти, если бы жизнь Степана Разина сложилась по-иному? Поразмыслить над этим иногда бывает очень интересно и поучительно, ведь часто развитие всего мира зависит от случайности...

Содержание

I. Допущение первое	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Святослав Логинов

Сослагательное наклонение

I. Допущение первое

К сожалению, история не знает сослагательного наклонения. Согласитесь, приятно выбрать подходящую эпоху, подправить в ней самую малость, а потом с удовольствием лицезреть, как история меняет своё течение, рушатся прежние государства и воздвигаются новые, перекраиваются политические карты, гибнут и возвеличиваются народы. В подобные мгновения чувствуешь себя демиургом, и всякие александры македонские и чингиз-ханы лишь фишки в твоей настольной игре.

Ах, как жаль, что история не знает сослагательного наклонения, и даже волос, упавший с головы, нельзя воткнуть обратно!

Ведь есть в истории моменты, когда решающую роль играла нелепая случайность, судьбы стран и народов решал параноик, прилучившийся в подходящее время в нужном месте. Параноики среди людей встречаются не слишком часто и, значит, в такие минуты история вершится нелепой случайностью.

В народной памяти параноик всегда остаётся как харизма-

тический лидер и, сколько бы крови он ни пролил, каких бы глупостей и подлостей ни совершал, ему всё прощается. Достаточно вспомнить, в каком виде представляет молва грозных царей, хоть Ивана, хоть Петра. Впрочем, безумный царь, это не исключение, а скорей правило, а от параноика, случайно вляпавшегося в мировую историю, круги расходятся долго и порой не утихают, а вскипают девятым валом, калеча ход времён.

Нет, наверное, среди русских людей никого, кто бы не слышал имени знаменитого атамана Стеньки Разина. Песни о нём поются уже три сотни лет. Подобно тому, как слово «поэт» ассоциируется для русского с фамилией Пушкин, а «художник» – Репин, слова «русская народная песня» вызывают в памяти «Из-за острова на стрежень», «Есть на Волге утёс» и «Ой да не вечер!» Всякий знает, Стенька Разин – это тот, кто княжну утопил. Княжну почему-то считают персидской, хотя утоплена она была до Персидского похода. Очевидцы утверждают, что княжна была татарская: дочь едисанского хана Алея. Впрочем, бедной женщине от этого не легче.

Чем ещё прославился удалой атаман? Разумеется, Персидским походом. А теперь, хоть история и не знает сослагательного наклонения, забудем ненадолго эту истину и пофантазируем, как повернулась бы отечественная и мировая история, если бы пушечный залп со стен Царицынской крепости достиг цели, и Стенька Разин, не успев прославиться,

пошёл на корм волжской плотве.

Разумеется, уничтожить всю казацкую флотилию царичынские стрельцы не могли, большинство стругов прорвались бы на волжское низовье, воровские казаки соединились бы со своими подельщиками, идущими пешим ходом, и занялись бы привычным делом – добыванием зипунов. А это значит – татарские погромы, пограбленная патриаршая казна, возможно, – разбитые учуги. Даже в мелочах история шла бы своим чередом, разве что знатную полонянку никто не сообразил бы утопить, у русского народа стало бы одной раздольной песней меньше, а несчастная дочь хана Алея скончала бы свои дни в неизвестности, наложницей у кого-то из менее знаменитых казаков.

Можно спорить, как повели бы себя казаки во время захвата учугов, где в это время готовился к отправке караван с рыбой. Солёная рыба была не только одним из основных продуктов питания русских людей, это был едва ли не единственный источник соли. Монополия на соляную торговлю и гигантские пошлины на соль, введённые тишайшим царём, как известно, вызвали «Соляной бунт», жестоко подавленный Тишайшим. А вот пошлины на солёную рыбу были невелики. Рыбу солили прямо на учугах, благо что поблизости от Эльтона и Баскунчака соль была дешёва, и развозили по России. Рыбу эту ели все от мала, до велика. Паюсная икра и осетровые балыки попадали на стол барам, вобла и хамса – бедноте. А уж знаменитую каспийскую сельдь лопали все

без разбора. Причём ели не как теперь, предварительно распотрошив и очистив от костей. С солёной рыбой варили щи, её клали в кашу, кидали целиком, чтобы ни одна молекула хлористого натрия не пропала зря. И уже потом, вытащив из горшка разваренную селёдину, её рушили, выбрасывая в помой кишочки, и обсасывая голову и хребтину.

Конечно, у России были ещё и мурманские ловы, но соль на Мурмане была морская, горькая, рыбу солили не так крепко, разве что тресковые головы, которые засаливались отдельно и продавались как заменитель соли – русский аналог соевого и вьетнамского рыбного соусов. Вяленая мойва, слегка подсолённые палтус и треска, разумеется, не могли обеспечить солью быстро увеличивающееся население России, так что гибель астраханского улова, поставила всю страну на грань самого страшного голода – соляного. Это сейчас деградация надпочечников грозит лишь оголтелым сторонникам бессолевых диет, прежде было иначе. Помните, у Некрасова:

Дала кусок,
Дала другой –
Не ест, кричит:
«Посыпь солью!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой»,

Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли ещё!»
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать –
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

А приказ кидать улов в воду отдал именно удалой атаман Степан Тимофеевич. Почему-то любители народных песен не обращают внимания на неприметный с первого взгляда факт.

Разумеется, Разин не вышибал самолично днища бочек и не сбрасывал их со сходней. Среди казацкой гольтепы нашлось немало охотников выполнять изуверский приказ, так что возможно, барки с рыбой отправились бы на дно и без участия атамана. Одно сослагательное наклонение тянет за собой следующее, и, чтобы окончательно не забрести туда, не знаю куда, во всех сомнительных случаях будем считать,

что история пошла бы так, как она пошла на самом деле. А это значит, что и без Разина годовая добыча расположенных в волжской дельте ловов была бы уничтожена воровскими казаками.

С другой стороны, Серёжка Кривой, грабивший те же самые учуги за год до Разина, не топил барок и не вываливал улов в воду. Он под завязку затарился рыбой и икрой, а всё остальное оставил нетронутым, не стал зря вредить незнакомым людям. Подобное поведение было характерной чертой именно Степана Разина. Тут имеет смысл подумать, почему Степан Тимофеевич столь целеустремлённо старался причинить максимум вреда родной стране.

Прежде всего, знаменитый казак вовсе не был простым разбойником. Поход за зипунами никоим образом не воспринимался им буквально; в хлебе насущном Степан Тимофеевич не нуждался, и платье носил красное. Происходил он из рода домовитых казаков, его крёстным был войсковой атаман Корнила Яковлев. Во время поездки к царю войсковой старшины, Степан Разин был в составе посольства, он участвовал в переговорах с калмыцкими нойонами, командовал казацким полком, сражавшимся под Перекопом во время очередной войны с крымчаками. Казалось бы, перед нами успешная карьера человека, не входящего в политическую элиту, но готового оставить заметный след в истории страны. След, не омрачённый никакими злодействами. Имеет таких людей известны историкам, но песен о них не сла-

гают.

И всё бы хорошо, но в 1665 году во время войны с Польшей старший брат Степана – Иван Разин, тоже командовавший казачьим полком, вздумал показать норы и в самый разгар военных действий увёл полк к родным куреням. Расчёт был прост: не станет же воевода – князь Долгоруков, отводить всё войско, чтобы поймать и примерно наказать один мятежный полк. А потом, когда страсти остынут, поди, сыщи виноватого. Однако, и на старуху бывает проруха: беглецы были перехвачены и окружены отрядами регулярной армии. Казаки быстренько принесли повинную, обещав заслужить прощение бедовыми головушками. Процедура стандартная, повинную голову, как известно, меч не сечёт. Лишь в особо серьёзных случаях выбирались четверо виновных из числа зачинщиков и вешались в назидание остальным. Обычно зачинщиками становились людишки самые ничтожные, каким на круге казацком и слова не дают. Однако, на этот раз князь призвал к ответу полковника. Иван Разин был повешен на глазах у своих подчинённых.

Должно быть, Стенька действительно любил старшего брата, потому что с этих пор он жестоко и изобретательно мстил всему миру и, в первую очередь, родной стране. История знает примеры подобного рода.

Формально, летом 1667 года Разин действовал в интересах казацкой старшины. После похода Василия Уса на Дону слишком прибыло гулящих людей, в то время как хлеб от-

пускался из России по старым росписям, только для реестровых казаков. В таких случаях войско Донское снаряжало отряды за зипунами. Состояли отряды из казацкой гольтыбы, но снаряжались старшиной, выдававшей оружие, порох и всё остальное, потребное для похода. Если поход был удачен, основная добыча скупалась достаточными казаками за бесценок, если поход проваливался, и значительная часть войска погибала, то на Дону становилось просторнее, и социальное напряжение снималось. Во всех случаях казацкая верхушка оказывалась в выигрыше.

Однако, в середине семнадцатого века положение донского казачества изменилось. После присоединения в 1654 году Малороссийских земель, стали невозможны набеги на ляхов; в то время как на юго-западе местность регулярно опустошалась запорожцами, которым тоже хотелось зипунов. К тому же, турки в это время укрепляют Измаил, перекрыв путь в Бесарабию. Второе традиционное направление грабительских походов – Крым и Чёрное море. Знаменитое Азовское сидение имело целью не столько величие России (в конце концов, Россия ничего не выиграла в результате Азовской войны), сколько возможность беспрепятственно выходить в Чёрное море для грабежей северной Анатолии. В пятидесятых годах семнадцатого столетия Азовская крепость была заново отстроена турками и перекрыла казакам путь к турецким берегам.

Жажущим чужого добра оставался единственный выход:

на Волгу и Каспийское море. Правда, и калмыки, и едиссанские татары к тому времени признали вассальную зависимость от русского царя, но воровских казаков такая мелочь остановить не могла, да и никогда закон не останавливал грабителя. Приведём такой пример... Ещё за сто лет до описываемых событий важным источником дохода уральских купцов были вооружённые набеги на иноверцев, как тогда говорили: на «своих поганых». В том числе, у купцов Строгановых имелся особо доверенный приказчик Василий Тимофеевич Аленин, который занимался грабежом инородцев, чьи земли давно вошли в состав русского государства. Занятие это приняло такой размах, что Иван Грозный вынужден был строго повелеть, чтобы никто не смел «безуказно грабить мордву и черемис». Однако, даже царское слово не смогло прекратить грабежей, слишком уж выгодным казалось это занятие. Василий Тимофеевич, чтобы не компрометировать хозяев, сменил имя, обратившись в Ермила Тимофеевича, действующего, якобы на свой страх и риск. Однако, грабёжное по-прежнему сбывалось через торговый дом Строгановых. Одновременно Строгановы добивались у царя разрешения самостоятельно воевать против соседей. Чувашей и мордву, которые исправно платили ясак, Грозный в обиду не дал, а вот независимое царство Сибирское отдал на поток и разграбление. Василий-Ермил к тому времени был уже настолько популярен, что его называли не по имени-отчеству, а уменьшительным именем – Ермак. Такое обращение пока-

зывает особое уважение народа, вспомним, что Разин тоже остался в памяти не Степаном, а Стенькой.

Покорение Ермаком Сибири – кто ж не слышал об этом замечательном событии? А что народный герой с самого начала был доверенным лицом гангстерского синдиката Строгановых, известно немногим.

Точно также и Стенька неуказанным образом уводил лишний люд громить мирные татарские юрты. При этом само собой разумелось, что и купцам – русским да персидским – придётся несладко, но всё это мало трогало казацкую старшину. Попадётся Стенька царским воеводам – ответит головой, а крёстный, снарядивший поход, как бы и ни при чём. Вернётся Стенька с зипунами, будет и достаточным казакам пожива. Но на этот раз Корнила Яковлев со товарищи просчитались, не учли, что Стенька уже не домовитый казак, водивший полки и возглавлявший посольства, а отморозок, думающий лишь о мести.

Первое, что сделали воровские казаки, выйдя к Волге, – перехватили барки с хлебом, идущие на Дон.

Казалось бы, донские степи, черноземье, самые что ни на есть хлебные места, однако, именно тут в течение столетий пролегал русский фронт, Дикое Поле. Непрерывная война всех против всех не стихала ни на миг: калмыки, ногайцы, каракалпаки, едиссанские и крымские татары резали друг друга. Русские казаки не уступали, а может быть, и превосходили по части грабежей воинственных соседей, но растить

хлеб на благодатных землях не могли. Посеять – не проблема, а вот достанется урожай кому угодно, только не пахарю. Опять же, казак обязан по первому призыву бросать хозяйство и выступать в поход. Землепашец не мог нести такую службу, поэтому царскими указами служилым казакам запрещалось заниматься земледелием. Хлеб присылался на Дон из России и выдавался реестровым казакам в счёт жалованья. Последний раз списки служилых казаков составлялись в 1665 году, а с тех пор на Дону прибыло слишком много гулящих людей. Присылаемого хлеба не хватало, но без него войску Донскому грозил настоящий голод. Конечно, богатые казаки с голодухи мереть не станут, гибель грозила лишь бесштанной голытьбе, такой же, что и разинцы, но, как видим, голодный голодного тоже не всегда разумеет. Со смехом и весёлым гиканьем хлеб был утоплен в Волге.

Так начались многократно воспетые простым народом Стенькины подвиги.

Ещё раз повторим, без Сеньки Разина хлеб, идущий на низ, и рыба, предназначенная для верховых городов, всё равно, скорей всего были бы уничтожены. А вот остановить вакханалию разрушения атаман мог. Но не захотел.

С Разиным или без него казацкая ватага равно жестоко грабила бы проезжающих купцов, вырезала татарские кочевья и, конечно, наложила бы хищную лапу на патриаршую казну.

Кстати, каким образом занесло эту самую казну на Волгу?

В 1667 году в Москве проходил поместный собор, лишивший опального патриарха Никона его сана. Никон, до этого проживавший неподалёку от Москвы, в Новоиерусалимском монастыре, был отправлен в ссылку на север, в Белозерский монастырь. А казна, получается, поехала на юг. Вряд ли Никон собирался бежать в Персию, прихватив с собой казну, не таков был патриарх. Скорей всего, казну отправили в Астрахань на сохранение митрополиту Иосифу, одному из немногих, кому Никон мог доверять. Вот только до Иосифа сокровища не доехали, а были пограблены, и в тот же день раздунаны гулящими казаками.

После таковых дел возвращаться на Дон было нельзя, слишком уж заметный след тянулся за воровским людом. Оставалось уходить на юг. Кто бы ни принял командование ватагой, он должен был миновать Астрахань и расположиться на зимовку либо на учугах, либо на островах возле Синего Морца. А возможно и каменный Яицкий городок был бы взят, свет не сходится клином на одном атамане, поэтому не будем напрасно плодить сослагательные наклонения.

По весне перед казацкой вольницей встала проблема: куда волочиться дальше? Путь в Россию отныне закрыт не только законом – от Москвы подходили войска, царь Алексей Михайлович собирался ратной силой остановить грабежи. Тут места сослагательным наклонениям не оставалось: домой грехи не пускают, в сторону Хивы не шатнёшься, там без следа пропадали отряды куда более серьёзные, нежели

ватага Сеньки Разина. Зато дорога на юг была открыта. К тому же, где-то там, на Каспийских островах зимовала ватага другого разбойного атамана – Серёжки Кривого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.